

XVIII. Конституционная Империя

(Liberté. 1869. № 111)

Бонапарт даёт Франции случай порадоваться. Результатом таинственных императорских дум является призрак 1830 года под видом *senatus consulta*[63]. Чёрт на старости лет делается парламентаристом. Грубый цинизм деспотизма переродился в конституционное лицемерие; здание завершено, и разве уже очень требовательный человек найдёт нужным что-нибудь прибавить к нему.

Искренне ли это обращение, происходит ли оно вследствие болезненного припадка либерализма или припадка колик, – нам до этого дела нет. Ведь известно, что от времён Якова II английского, до Людовика XVI, включая сюда и Людовика XVIII и первого Бонапарта, не было ещё ни одного государя, который решился бы ослабить несколько бразды правления, не имея наготове ножа.

Всё следует законам природы: змея ползает, лисица ворует, тигр терзает добычу, а король угнетает и развращает. Если бы он не развращал, не угнетал, какое было бы у него назначение? Вся польза королей заключается только в том, что они делают более привлекательной республику, и как справедливо говорит Беранже:

«Я полюбил республику с тех пор,

Как увидел столько королей»

Итак, вот французский корабль, как следует оснащённый, с балластом из нескольких непримиримых, пущен по волнам парламентаризма. Теперь, без сомнения, радость и веселье царствуют у лавочников и на бирже. Буржуа, которому возвратили дорогую его сердцу говорильню, вероятно тает от восторга и начинает задирать нос. Прюдомм вне себя от радости, бросается в объятия Меркадэ, а этот, пользуясь случаем, уворовывает у него часы. Кажется, настают прекрасные дни, предшествовавшие 1848 году, т.е. возвращается старый порядок вещей, возвращаются дни торжественного пустословия, весёлого переливания из пустого в порожнее. Вот увеличится то кредит и повысится рента под милый концерт capitoлийских гусей, кричащих хором, самым парламентским образом! Буржуазная Франция, убаюканная тщеславием, вкусит, наконец, покой, полный сновидениями о лёгких победах и банковских билетах; и только кошмар Социальной Революции изредка будет смущать её сон. Ну же парламентаристы, затягивайте скорее благодарственный молебен, признавайтесь, что день возникновения этого парламента –

лучший день вашей жизни, и пейте за либеральную империю, спасительницу семьи и собственности, за империю, которая сберегает вас от стоглавой анархической гидры.

Но кто поверит этому? – Франция недовольна, что народ презрительно проходит мимо вещей, которые его не касаются – это естественно; что непримиримые дуются, – также естественно, так как это входит в их роль; но даже сам буржуа, который 18 лет жалобно канючит у дверей Тюильри, чтобы всемилостивейший император подал ему Христа ради немножко свободы, и тот, в лице своих журналов и депутатов, хмурится и требует более свободы теперь, когда исполнились самые честолюбивые его замыслы; он, можно сказать, осыпан, завален свободой.

Господин Тьер дуется, Оливье[64] исподтишка интригует, господин Бансель[65] и ревёт, и мечет, и удивляет всех добрых людей, Гамбетта[66] бранится, Гарнье-Пажес ворчит. Только господин Руэ[67], кажется, ещё остаётся довольным. Ради бога! господа представители оппозиции, скажите, чего же вы просили и на что вы надеялись?

Итак, Франция отныне будет пользоваться благодетельной ответственностью министров, как и Бельгия, будет вкушать сладости парламентской инициативы, как Бельгия, наслаждаться прелестями права требовать отчётов, как Бельгия, пользоваться удовольствием вотировать государственный бюджет, главу за главой и параграф за параграфом, опять-таки, как и Бельгия же. Будем же чистосердечными и признаемся, хотя для этого и нужно откинуть нашу патриотическую гордость и тот жалостно презрительный тон, с которым мы так любим относиться к нашей транс-Кьевренской[68] соседке, что Франция снабжена теперь совершенно такой же конституцией, как наша, да ещё, кроме того, всеобщей подачей голосов.

Император показал себя ещё большим парламентаристом, чем все парламентаристы вместе взятые, более усердным католиком, чем папа; чувствуя, что поднимается оппозиционная волна и что бразды правления ослабевают в его уже старых руках он разом решился и, не колеблясь, проделал самый смелый фокус; променяв маленькую историческую шляпу и дядюшкину саблю на сюртук и дождевой зонтик Луи Филиппа, он вдруг явился императором лавочников.

Чем же объяснить после этого сердитый вид Тьера, недовольство левого центра, жалобы либеральной прессы и в особенности, недоверчивое и саркастическое настроение наших журналов, которые сделались у нас органами оппозиции империи во имя либеральных и умеренно демократических идей.

Пусть рабочее сословие замкнулось в суровом молчании, пусть те, которые, как и мы, видят спасение человечества только в социальной революции, продолжают оставаться непримиримыми, ничего не может быть естественнее этого.

Мы не хотим вести с империей войны из-за лавочных интересов, мы бьёмся с ней из-за принципов. В Бонапарте мы видим не узурпатора трона Луи Филиппа, не убийцу буржуазной республики, мы видим в нём врага социального прогресса, препятствие движению, преобразующему мир, вооружённого бойца старого общества, общества несправедливости,

неравенства и беспорядка; мы видим в нём представителя и воплощение реакции. Между ним и нами, кроме декабрьской крови, есть ещё июньская.

Мы равнодушны к развитию конституционной идеи, потому что эта идея развилась не на основании справедливости, мы равнодушны к ней, потому что для социального прогресса нет места в этой системе, так как чисто политическая конституция для нас только ложь и лицемерие, и так как мы горьким опытом убедились, что **либерализм относится к интересам народа ещё враждебнее, чем даже деспотизм.**

Увы, кто лучше нас знает все благодеяния парламентаризма? Разве не в этой вредной атмосфере развилась до самых пагубных размеров промышленная и денежная монополии; разве не в ней расцвели гнусные положения мальтузианства; разве не в этой атмосфере опять-таки, развился эгоизм и распространился разврат до такой степени, что едва ли этому можно и помочь; разве не памятливы нам, кровавые тени Монтиньи, Моршиенна, Фрамерье, Серена с их зияющими ранами; разве они не показывают нам прямо, каких благодеяний может ожидать рабочий от буржуазного либерализма? Итак, мы имеем полное право бороться со старым обществом, в какой бы оно форме не являлось и какую бы оно маску не надевало, повторять то, что мы уже сто раз говорили, – именно, что **на арене жизни, в сущности, только две партии: реакция и социализм.**

Но ты, ты левый центр и даже самая левая, вы либеральные газеты, вы, бельгийские журналы, вы, которые так упорно и систематически осуждаете империю, – чего же вам ещё хочется.

Ведь сенатус консулт – это ваш политический катехизис, это ваше либеральное «Верую», к которому приносится империя; нужно ли говорить вам, что империя, своим теперешним образом действия, подавляет вас своей демократичностью, потому что её законодательное собрание есть продукт всеобщих выборов, оно вытекает из всеобщей подачи голосов, тогда как ваше собрание (к сожалению и наше также) избирается какими-нибудь несколькими тысячами собственников и лавочников.

Что вы нам говорите о праве налагать вето, которое новая конституция оставила за французским сенатом; разве мы не видели вчера ещё, как наше правительство, несмотря на поддержку большинства парламента, прессы и на этот раз, даже общественного мнения, всё-таки должно было отступить перед упрямым эгоизмом нескольких дряхлых представителей банкократии; не видели ли мы, как жалкая личность какого-нибудь Барбансона парализовала лучших людей нашего министерства или как коллекция умственно убогих старцев уничтожила все действия либеральных развлечений нашего правительства.

Кричат после таких примеров о слишком широком распространении права французского сената – доказывать только невежество и недобросовестность.

Молчите же вы, крикуны, и либералы, и болтливые и вздорные газетки; вы так неловко стараетесь скрыть своё нерасположение под маской ложного скептицизма; посмотрите-ка лучше на свою совесть да пощупайте карманы, может быть в них откроете вы источник той

